

Золото Ван Рейна

17/09/2018

«ВЕЧЁРКА» ПОБЫВАЛА НА СЕНСАЦИОННОЙ ВЫСТАВКЕ В ЭРМИТАЖЕ

На открытие выставки «Эпоха Рембрандта и Вермеера. Шедевры Лейденской коллекции» приехал ее владелец – американский миллиардер Томас Каплан. Красивый, стройный и очень демократичный. Он рассказал, как ему удалось собрать всего лишь за 15 лет (рекордно короткий срок) коллекцию голландских мастеров XVII века, которая сравнима по уровню с собранием хорошего музея:

– В первые пять лет мы приобретали в среднем по картине в неделю. Бывало, что покупали одну утром, другую – вечером. Случалось, что и три-четыре произведения разом.

Не без иронии (но и не без гордости) Томас Каплан заметил, что его часто сравнивали с Екатериной Великой:

– Говорили, что мы покупаем с русским размахом!

Спасибо императрице, у нас в Эрмитаже действительно лучшее собрание полотен Рембрандта за пределами Голландии. Как сказал Каплан, Рембрандт стал «частью русской души».

Выставка уже побывала в Лувре, Пекине и Шанхае, а к нам приехала из Москвы – из ГМИИ им. Пушкина.

По словам куратора с американской стороны Лары Ягер-Красселт, гигантский Николаевский зал Зимнего дворца – пожалуй, самый роскошный из всех, где проходила выставка.

Куратор с эрмитажной стороны – хранитель голландской живописи XVII – XVIII веков Ирина Соколова предложила дополнить произведения из Лейденской коллекции

восемью эрмитажными вещами. Причем не «хитами», как «Возвращение блудного сына», «Флора», «Даная» или «Святое семейство» Рембрандта, а работами голландских художников, которые мы обычно не замечаем. Получилось блестяще. Они рифмуются с лейденскими шедеврами, составляя пары или демонстрируя разные варианты одного сюжета. Кстати, отличить эрмитажные картины от лейденских вы сможете с ходу, не читая этикетки. Наши – в пышных золоченых рамах, лейденские – в аутентичных черных.

Даже постоянным посетителям Эрмитажа выставка подарит немало открытий. У нас, например, нет работ Рембрандта раннего, лейденского, или светлого, периода. Редкая возможность познакомиться с ним – три картины из серии «Аллегии чувств»: «Извлечение камня глупости (Аллегория осязания)», «Три музыканта (Аллегория слуха)» и недавняя находка – «Пациент, упавший в обморок (Аллегория обоняния)», самая ранняя из работ, подписанных художником. Поздний, амстердамский период творчества Рембрандта представлен «Портретом мужчины в красном дублете», «Девушкой в расшитой золотом накидке», «Автопортретом с затененными глазами». И знаменитой «Минервой», которая относится к циклу мифологических женских образов, представленных в Эрмитаже «Флорой» и «Данайей».

Одно из открытий – Карел Фабрициус. Роман Донны Тартт «Щегол» вытащил из забвения имя этого талантливого ученика Рембрандта, трагически и нелепо погибшего в возрасте тридцати двух лет во время взрыва порохового склада в Делфте.

– Мы с женой сделали для привлечения внимания к Фабрициусу, конечно, немного меньше, чем Донна Тартт. Но мы тоже старались, – шутит Томас Каплан.

«Явление ангела Агари» Карела Фабрициуса, который оставил после себя всего шестнадцать полотен, – особая гордость владельцев коллекции.

Долгое время работа приписывалась Рембрандту, подпись Фабрициуса была обнаружена как раз перед тем, как полотно попало в Лейденскую коллекцию из собрания австрийских графов Шёнборн-Буххайм, где хранилось более двухсот пятидесяти лет.

Моим личным открытием стал Ян Ливенс. Долго стояла возле его автопортрета. Очень красивый молодой человек. И лицо – очень современное. Не удивилась бы, увидев такое не на старинном портрете в Николаевском зале Зимнего дворца, а где-нибудь в кафе на Невском или в вагоне метро.

Ян Ливенс был другом Рембрандта. В юности они делили мастерскую в Лейдене. Потом пути разошлись, Рембрандт уехал в Амстердам, а Ливенс – в Лондон, чтобы стать придворным художником английской королевской семьи. На выставке представлено пять работ мастера, в том числе «Мальчик в плаще и тюрбане» – портрет юного принца Руперта Пфальцского, сына изгнанного короля Богемии, жившего при голландском дворе.

Еще одно личное предпочтение – котики. Особенно маленькая картина ученика Рембрандта Геррита Дау, мастера так называемой тонкой живописи, «Кошка, присевшая на подоконник в мастерской художника».

– Ты только посмотри – кошка как живая! – то и дело раздавались восхищенные возгласы. Более подкованная публика вспоминала про обманки – трюмплей (от французского *trompe-l'œil*, «обман зрения»).

Потом я нашла еще немало жанровых картин, на которых присутствуют котики. Как видно, во времена Золотого века они были не менее популярны, чем сегодня, когда стали звездами Интернета.

Томас Каплан и его жена Дафна, кстати, тоже любят кошек. Они основали фонд «Пантера» и финансируют проекты по защите больших кошек в дикой природе. Собрание Рембрандта началось у них с рисунка, на котором художник запечатлел спящего льва. Его можно увидеть на выставке рядом с наброском Леонардо да Винчи, изобразившим голову медведя (не в тему, конечно, но коллекционеры все же решили включить рисунок великого итальянца в состав выставки). Как рассказывают искусствоведы, этот медведь впоследствии превратился в горноста, запечатленного на знаменитом полотне

художника «Дама с горностаем». Дело в том, что Леонардо живого горностаю никогда не видел. Вот и пришлось пойти сложным путем.

Хотелось бы рассказать и о чудесной рембрандтовской «Девушке в расшитой золотом накидке», где ее пухлое личико и рыжеватые волосы светятся ярче драгоценной вышивки. И об «Автопортрете с атрибутами занятий магией» Питера ван Лара, где художник вопит от ужаса: что-то пошло не так и он ненароком вызвал самого князя тьмы, который тянет к нему свои страшные когти. И о «Девушке за вёрджинелом», которую долго не признавали работой Вермеера.

Но не позволяет размер газетной полосы. А вы можете сами посмотреть выставку до 13 января 2019 года, после чего она отправится в Абу-Даби.

Каролина ПАВЛОВА, фото Сергея НИКОЛАЕВА

Vecherka

17 September 2018

Karolina Pavlova

“Van Rijn’s Gold”

Vecherka has visited the sensational Hermitage exhibition

The opening of the exhibition “The Age of Rembrandt and Vermeer: Masterpieces of The Leiden Collection” was attended by the collection’s owner, American billionaire Thomas Kaplan – a handsome, slim, and very open-minded man. He shared with us how he and his wife, in just 15 years, managed to assemble a collection of Dutch Old Masters that many museums would envy:

“In the first five years, we would buy on average one painting per week. Sometimes, we would buy one painting in the morning, and another one in the evening. On some occasions, we even bought three to four works at a time.”

Not without a tongue in cheek (or some pride) Thomas Kaplan mentions that he was often compared to Catherine the Great:

“People say we buy in style!”

Thanks to the Empress, our Hermitage does have the finest Rembrandt collection outside of the Netherlands. As Kaplan pointed out, the Master has truly become “a part of the Russian soul.”

The exhibition has already visited The Louvre, the National Museum of China in Beijing, and the Long Museum in Shanghai. It came to Saint Petersburg from Moscow’s Pushkin State Museum of Fine Arts.

According to the American-side curator Lara Yeager-Crasselt, the massive Nicholas Hall of the Winter Palace possibly represents the most lavish venue in which the show has ever been exhibited.

The Hermitage curator, and keeper of 17th and 18th century Dutch art, Irina Sokolova, suggested to complement works from The Leiden Collection with eight pieces from the Hermitage’s collection. These additions are not the famous “hits” – such as Rembrandt’s *The Return of the Prodigal Son*, *Flora*, *Danaë*, or *The Holy Family with Angels* –, but rather Dutch works that we do not usually notice. And the outcome is simply beautiful. The Hermitage contributions rhyme with the Leiden masterpieces, at times completing pairs or showing variations of similar scenes. Visitors will be able to tell quite easily which paintings belong to whom, and even without reading the labels – ours being framed in gold leaf and the Leiden ones in black.

Even the habitual Hermitage-goers are in for a few discoveries. For example, while the museum does not cover Rembrandt’s early years in Leiden, this exhibition offers a rare opportunity to enjoy works from the Master’s “light” period. These include three paintings from the series of the “Five Senses”: *Stone Operation (Allegory of Touch)*, *Three Musicians (Allegory of Hearing)*, and a recent find, *Unconscious Patient (Allegory of Smell)*, which happens to be the earliest work signed by the artist. Rembrandt’s late Amsterdam period is represented by *Portrait of a Man in a Red Coat*, *Young Girl in a Gold-Trimmed Cloak*, and *Self-Portrait with Shaded Eyes*. And of course, by the famous *Minerva in Her Study* which belongs to the series on mythological female figures, alongside the Hermitage’s *Flora* and *Danaë*.

Carel Fabritius constitutes one of the major revelations of this show. Rembrandt’s talented student, who died tragically at the age of 32 in the Delft gunpowder magazine explosion, had already been brought out of obscurity by Donna Tartt’s novel *The Goldfinch*.

“Of course, my wife and I have done much less than Donna Tartt to shed light on Fabritius. But we tried our best,” jokes Thomas Kaplan.

Only 16 paintings by the artist have survived to this day. *Hagar and the Angel* thus represents a special source of pride for the collector.

For a long time, this particular work was attributed to Rembrandt. Fabritius’ signature was discovered shortly before the painting was acquired by The Leiden Collection from Austrian Count Schönborn-Buchheim, whose family had kept it for over 250 years.

My personal discovery was Jan Lievens. I stood in front of his *Self-Portrait* for quite a while. What a very handsome and “modern looking” young man! Instead of encountering him on an old portrait in the Nicholas Hall of the Winter Palace, I would not have been surprised to run into him at a café on Nevsky Avenue or in the subway.

Jan Lievens was Rembrandt’s friend. The two shared a studio in Leiden, but later parted ways: Rembrandt moved to Amsterdam and Lievens to London, aspiring to become a court artist for the British Royal family. The exhibition includes five of his works, including *Boy in a Cape and Turban (Portrait of Prince Rupert of the Palatinate)*, depicting the son of the exiled King of Bohemia who lived at the Dutch court.

One more personal preference of mine: kittens – especially in the small painting by Rembrandt’s student and master *Fijnschilder* Gerrit Dou, *Cat Crouching on the Ledge of an Artist’s Atelier*.

“Just look at it, the cat is alive!” – one could hear from the crowd every now and then, while the more sophisticated visitors noted the *trompe-l’œil*.

I later discovered that many genre scenes actually featured kittens. It appears that these animals were just as popular during the Dutch Golden Age as they are today on the Internet.

Thomas Kaplan and his wife Daphne also like cats. Together they founded a conservation organization called Panthera, which protects wild cats and their habitats. Their Rembrandt collection actually began with a drawing depicting a young lion. This piece can be seen in the exhibition, next to Leonardo da Vinci’s sketch showing a bear’s head (off subject, of course, but the collectors still decided to include the great Italian’s drawing in the show). According to experts, this particular bear was later transformed into an ermine for the famous painting *Lady with an Ermine*. The fact is that Leonardo had never seen a live ermine – hence his studied approach.

I also would like to tell you about Rembrandt’s wonderful *Young Girl in a Gold-Trimmed Cloak*, in which the subject’s chubby face and reddish hair shine brighter than the extravagant embroidery. And about *Self-Portrait with Magic Scene* by Pieter van Laer, showing the artist screaming in horror: something has gone wrong and the Prince of Darkness himself is extending his sharp claws onto him. And about *Young Woman Seated at a Virginal*, which was not recognized as Vermeer’s work for a long time.

But alas this page is too small. You can visit the exhibition yourselves until 13 January 2019, before it leaves for Abu-Dhabi.